

1

первые три дня после похорон Бобровский в основном спал. Сон был поверхностный, тревожный. Иногда Бобровский вставал, шел в туалет и мочился, не поднимая стульчак унитаза. Теперь в этом не было необходимости. Потом возвращался в кровать и ложился на сбитое в кучу постельное белье. Подушка была влажная. Заканчивался июль. Стояла невыносимая жара. Бобровский снова засыпал, весь мокрый от пота. Время от времени звонил телефон. Он ни разу не снял трубку.

На четвертый день Бобровский сел на кровати и закурил. Кружилась голова. У сигареты был вкус картона. Он не знал, утро сейчас или вечер. Часы показывали начало десятого. За окном было пасмурно. Он прислушался. В соседней квартире кто-то разговаривал, но слова не различались. Говорили на повышенных тонах. Опасных. По-

том раздался выстрел. Бобровский выпрямил спину и замер. Заиграла трагическая музыка. Соседи смотрели кино.

Бобровский затушил сигарету и вышел на кухню. На столе стояла чашка с чуть заметным отпечатком губной помады на ободке. В чашке плесневели остатки чая. Он взял ее, поднес к раковине, немного помедлил и поставил чашку обратно на стол. Стало нечем дышать. Бобровский распахнул окно и высунулся наружу. Облегчения это не принесло. На улице было душно. Под окнами мелкими шажками передвигался дворник и вяло подметал тротуар. Бобровский хотел спросить его, утро сейчас или вечер и какой сегодня день, но передумал. Он жил на шестом этаже. Ему не хотелось орать этот бред на весь двор. Его бы приняли за сумасшедшего. Или алкаша, который очухался после запоя.

Зазвонил телефон. Бобровский побрел в прихожую. Он подумал, что это кто-то из родственников жены решил посочувствовать. На похоронах их собралась целая толпа. Большую часть Бобровский видел первый раз. Они подходили, что-то говорили, жали руку, хлопали по спине, потом наливали водку. А после поминок все вдруг разом исчезли, оставив его одного. Но вот, похоже, решили узнать, как дела. Наверняка все эти дни кто-то из них и названивал.

Бобровский снял трубку. Он услышал незнакомый мужской голос. Уверенный и вальяжный.

— Анастасию Валерьевну пригласите, пожалуйста.

— Куда пригласить? — спросил Бобровский.

— К телефону. Пригласите Анастасию Валерьевну к телефону.

— Ее нет.

— А когда она будет?

— Никогда.

Бобровский повесил трубку. И опять начал задыхаться. Он открыл ящик тумбочки, на которой стоял телефон. В ящичке лежали старая губка для обуви, карамелька и спичечный коробок. Бобровский развернул фантик и сунул карамельку в рот. Она почти не имела вкуса. Что-то сладковато-мыльное. Телефон опять зазвонил. Тот же голос.

— Слушайте, это важно, — сказал мужик. — Мне очень нужно поговорить с Анастасией Валерьевной.

— Она умерла, — сказал Бобровский. — Несколько дней назад.

В то утро жена, как обычно, собиралась на работу. Допивала чай на кухне. Бобровский курил в комнате. Они поругались. Конечно, из-за денег. Он сидел без работы. Сбережения таяли. На бирже труда платили копейки и грозили снять с учета. Ничего хорошего Бобровскому не светило. В его возрасте с его образованием он мог устроиться лишь в какой-нибудь ЧОП. Сидеть на вахте в вонючих ботинках без шнурков и проверять пропуска сотрудников. Или прохаживаться за кассами в супермаркете. Бобровский думал, что лучше повесится, чем согласится на такое. Время от времени он звонил по объявлениям. Несколько раз ходил на собеседования. В основном для успокоения совести. Ему было стыдно, что жена работает, а он сидит у нее на шее. Но апатия заглушала чувство стыда. Бобровский старался не думать, что будет завтра. Или через месяц. А жена только об этом и думала. Скандалы случались все чаще. Пару раз Бобровский уходил из дома. Но деваться было некуда, и он возвращался. Сам, без уговоров Анастасии. В то утро они не ругались. Она

спросила, поедет ли он на собеседование. Он ответил, что у него нет денег ездить на собеседования. «Ходи пешком, — сказала она. — Бросай курить. На сигареты деньги у тебя откуда-то есть». Он ответил, что курит самые дешевые, которые только можно найти. Анастасия сказала, что ей пора на работу. И ушла на кухню допивать свой чай. Бобровский закурил и подумал, что скоро она начнет ему изменять. А потом выгонит. Квартира принадлежит ей. Даже странно, что этого до сих пор не случилось. Ведь любая женщина хочет, чтобы рядом с ней был настоящий мужик, ну или хотя бы работающий мужик, а не бесполезное старое туловище, которое сидит целыми днями дома и курит вонючие белорусские сигареты. На кухне что-то упало. Бобровский выглянул из комнаты. Жена лежала на боку, уткнувшись лицом в пол. Бобровский перевернул ее на спину. Она не дышала. Он попытался сделать искусственное дыхание, рот в рот. Как в кино. Вдувал ей в легкие табачную вонь, пока у самого не потемнело в глазах. Он побежал к телефону, набрал «03». Скорая приехала минут через пять. Врач сказал, что это, похоже, обширный инфаркт. Быстрая и легкая смерть. Мертвая Анастасия лежала под ногами. Бобровский заметил, что ее глаза немножко приоткрыты. «Подглядывает», — мелькнула в голове идиотская мысль.

Ничего этого, конечно, звонившему он не рассказал.

— Я вам не верю, — сказал тот неожиданно. — Наверняка она жива. Прячется? Это глупо. Но такое бывает. Сталкивался.

— Съезди на кладбище, мудила, — перебил Бобровский и бросил трубку.

Телефон молчал.

2

Но через несколько часов снова зазвонил. Бобровский ответил. Перед этим он лежал на кровати и пялился в экран телевизора. Показывали какой-то дешевый фильм, главную героиню, аппетитную пионерку, изнасиловал Сталин. Потом ее отправили в лагерь. Но началась война, и эту бабу взяли на фронт снайпером. Она лихо мочила нацистов и берегла один патрон для усатого злодея.

— Алексей Иванович? — это был мудила, которого Бобровский послал на кладбище. — Я навел справки. Примите соболезнования.

— Спасибо. Извините, что назвал вас мудилой.

— Ничего страшного. Я привык. Вы ведь муж Анастасии Валерьевны?

— Вдовец, — сказал Бобровский.

— Да, конечно.

Мудила немного помолчал.

— Дело очень важное. Нужно поговорить.

— Валяйте, — сказал Бобровский. — Я тут.

— Некоторое время тому назад Анастасия Валерьевна взяла в кредит некую сумму денег. Два дня назад должен был поступить первый платеж. Но не поступил. Вы меня слушаете?

Бобровский слушал. Про кредит он ничего не знал.

— Ага.

— Так вот. Надо бы обсудить варианты погашения долга.

— Сколько? — спросил Бобровский.

— Сто пятьдесят тысяч рублей. Под пятнадцать процентов.

— Я первый раз про это слышу, — сказал Бобровский. У него было сорок восемь рублей мелочью.

— Понимаю, — вздохнул мудила. — Ситуация сложная. И разговор не телефонный. Давайте поступим так. Я вам через пару дней перезвоню. Вы пока что все узнаете. Проверите счета. Возможно, деньги еще даже не потрачены. А потом нам, видимо, придется все-таки встретиться лично.

Бобровский молчал. И тут его осенило.

— Знаешь, — сказал он. — Я не идиот. Думаешь, у меня от горя голова не соображает? Жена никогда в жизни не брала никаких кредитов.

Он бросил трубку и вернулся в комнату. Снайперша в этот момент застрелила мордатого энкавэдэшника, который хотел изнасиловать маленькую девочку. Но Бобровского это не волновало. Он тяжело дышал: «Какие суки! И ведь чуть не поверил. Но откуда они узнали про смерть Насти? Врачи слили? Может, ритуальное агентство? Или кто-то из родственников? Вон сколько их приперлось на похороны. Сплошь незнакомые рожи. Седьмая вода на киселе. Жрали водку. Кто-то тихо смеялся». Бобровский сам слышал.

Незаметно он задремал, с пультом в руке. Сон был зыбкий, нездоровый. Ему приснилась Настя. Но жена мелькнула и сразу исчезла. Бобровский даже не успел ничего толком понять. Потом ему снилось, что он пытается изнасиловать снайпершу, но никак не может содрать с нее галифе. Она вывернулась, схватила свою винтовку системы Мосина и выстрелила в него. Но вместо выстрела раздалась длинная звонкая трель. Бобровский вздрогнул и проснулся. Во рту была горечь. По телевизору шли новости. Путин разговаривал с мэром Москвы. Казалось, им

невыносимо скучно и вот-вот они оба заснут. Снова раздалась трель. Но это был не телефон. Звонили в дверь. Бобровский открыл. На пороге стоял тощий морщинистый старик с изможденным лицом. Он был одет в серый короткий плащ и маленькую черную шляпу.

— Здравствуй, Алексей, — сказал старик.

Тесть приехал. Он был похож на больного и усталого члена Политбюро на трибуне Мавзолея, встречающего последний парад.

— Здравствуйте, Валерий Кузьмич, — ответил Бобровский и постороился.

Старик вошел. Повесил на крючок плащ, положил шляпу на тумбочку. Вздохнул.

— Вот, Алексей, приехал тебя проведать, — сказал тесть.

Они с тещей жили в деревне. Около часа езды на электричке. Бобровский редко их навещал. Отношения с родней жены не сложились. Ни капли тепла за десять с лишним лет. Каждый год старики присылали поздравительные открытки к Новому году. Поздравляли только дочь. Про Бобровского ни слова. Он и сам старался как можно реже с ними контактировать.

— Я рад, — соврал Бобровский. — Проходите, садитесь. Можем чаю попить.

Тесть заглянул в комнату и внимательно осмотрел.

— Я особо не прибирался, — сказал Бобровский. — Сами понимаете.

Они вышли на кухню. Бобровский взял чашку с недопитым плесневым чаем и убрал в холодильник. Включил чайник.

— Как Лариса Ивановна себя чувствует? — спросил Бобровский. Из вежливости.

— Ну, тяжело ей, давление. Плачет.

— А вы?

— Тоже тяжело, что тут скажешь, — вздохнул тесть.

Он скривился, будто пытался побороть отрыжку. Достал платок и вытер лоб.

— Духота-то какая стоит, а?

Бобровский кинул в чашки по пакету «Гринфилда».

— Вам сколько сахара?

— Три, — ответил тесть. — Алексей, я не просто так приехал.

— Да, вы сказали, хотели поведать меня.

— Это тоже. Но не только. У меня особая миссия.

Бобровский посмотрел на деда внимательно. Может, старик свихнулся от горя? Какая еще миссия?

— Я слушаю.

— Так вот какое дело у меня, Алексей, — начал тесть и громко длинно икнул. — Ох! У тебя нет ли соды, случайно?

— Вроде была где-то.

Бобровский достал из шкафчика пачку соды. В голове мелькнула дурацкая мысль, что ради этого тесть и приехал. Сейчас погасит изжогу и откланяется. Тесть насыпал половину чайной ложки в стакан, разбавил водой и выпил, тараща слезящиеся глаза.

— Получше? — спросил Бобровский.

— Погоди. Отдышусь.

Закипел чайник. Бобровский разлил кипятком по чашкам. Поискал сахар, но не нашел. Тесть сидел, прикрыв глаза, прислушивался к происходящему у него в желудке. Бобровский заметил в мусорном ведре пустую коробочку «Русского сахара». И вспомнил, как Настя в то утро кинула в чашку два последних кубика, а потом выбросила коробочку в ведро. И попросила его, Бобровского, купить

сахар, потому что у нее вечером не будет сил и времени тащиться в магазин. Минут через десять она умерла.

— Алексей, — позвал тесть.

Прозвучало так, будто старик и сам собрался сейчас тут умереть.

— Что? — повернулся Бобровский. — Плохо?

— Нет, нет. У меня, значит, вот разговор к тебе.

— А, ну да, миссия, я помню.

Бобровский поставил на стол чашки с чаем. И понял, что тесть готовится сказать что-то очень неприятное.

— Сахара нет, — сказал Бобровский.

— Это ничего, — ответил тесть. — Я так, давай.

Он схватил чашку и стал шумно цедить горячий чай.

— Ладно, скажите уже, что хотели сказать. Не тяните.

Тесть поставил чашку.

— Алексей, ты должен съехать с этой квартиры.

Бобровский посмотрел в окно. На оконном отливе сидел голубь и внимательно наблюдал за происходящим в кухне.

— Слышишь? — сказал тесть.

— Слышу, — ответил Бобровский и повернулся к старику. — Куда?

— Что «куда»?

— Куда мне съехать?

— Ну, это... знаешь... Дело-то в чем... — замямлил старик. — Мы ведь купили эту квартиру с Ларисой Ивановой, когда Настя школу кончала. Я сам пороги обивал. Титову письмо писал.

— Какому Титову? — спросил Бобровский.

— Космонавту. Герману Титову. Я же сам летчик. Хоть и гражданский. Потом поставили на очередь. Когда Настя поженилась...

— Вышла замуж, — поправил Бобровский.

— Мы вам квартиру отдали. Потому что, ну надо же жить где-то, да? Ты сам без угла был. А Настя тоже после учебы к нам бы вернулась.

— Я понял, — махнул рукой Бобровский. — Квартира не моя. Делать мне тут нехрен.

— Ну зачем ты так-то? — обиделся тесть.

— А как? Ну, если называть вещи своими именами.

Бобровский снова посмотрел в окно. Голубь был на месте.

— Алексей, ты сам должен понять, — сказал тесть. — У нас вот сын еще. Трое внуков. Им помогать надо. Мы собираемся продать квартиру.

— А мне куда идти? — спросил Бобровский.

— Если в суд, то смысла нет, точно тебе говорю, — затараторил тесть. — Квартиру мы на Настю не записывали. Просто вот дали вам тут жить. Думали, может, внуки будут. Все как у людей.

— Я не про суд, — сказал Бобровский. — Жить-то мне где?

— Ну, ты уж сам подумай, снять ведь можно жилье. У тебя есть родственники? Родители?

— Нет. И я нигде не работаю. Денег у меня нет. Идти мне некуда.

«А зачем я ему это говорю? — подумал Бобровский. — Смысл-то какой?»

Тесть нервно барабанил пальцами по столу. Бобровскому захотелось взять нож и отсечь их. Он посмотрел на старика. Тот суетливо прятал взгляд. Глаза его блуждали по кухне, но старательно обходили сидящего напротив Бобровского. В кармане стариковского пиджака запиликал и завибрировал мобильник. Тесть торопливо достал

старенькую кнопочную «нокию», прищурился и указательным пальцем нажал клавишу вызова. Бобровский услышал доносящийся из трубки крикливый голос тещи, но слов разобрать не смог.

— Да, — сказал тесть, глядя перед собой. — Ну вот как раз сидим, разговариваем. Что? Да ну, перестань. Без этого обойдемся.

Кажется, теща сказала что-то про полицию.

— Лара, послушай, мы сейчас поговорим, я тебе потом перезвоню. Все. Все. Целую, — добавил старик стеснительно и убрал телефон в карман.

После этого он наконец посмотрел на Бобровского. Похоже, звонок супруги добавил ему смелости.

— Такие вот дела, Алексей, — пробормотал тесть. — Уж извини.

Бобровский молчал. Ему опять не хватало воздуха. Он не хотел задыхаться на глазах у тестя и ушел в комнату.

По телевизору шло ток-шоу. Некий дед трахнул свою внучку, и она родила ребенка. Ведущий спрашивал, почему она не сделала аборт. Зрительный зал свистел и выл. Ведущий интересовался у деда, как он себя чувствует, будучи прадедом своего сына. Дед кричал, что это не его ребенок. Он все делал указательным пальцем. Зал взорвался от криков.

Бобровский сел на диван и отключился.

3

Минут через пять он очнулся. Ничего не изменилось. Телевизор продолжал транслировать безумие. Бобровский вернулся на кухню. Тесть сидел за столом и, шкрябая

дном чашки по блюдцу, нервно крутил ее против часовой стрелки.

— Ну что? — спросил старик.

— Что?

Бобровский сел и медленно выпил свой остывший чай.

— Ты подумал, Алексей?

— Да.

Он подумал: «К чертовой матери вас всех!»

— И что ты скажешь?

— Ладно, я съеду, — сказал Бобровский. — Квартира, и правда, ваша. А Настя умерла.

— Ну вот и решили. — Тесть потер ладонями тощие коленки. — Хорошо.

Потом они некоторое время неловко молчали. Бобровский подумал: «Вот бы атомная бомба сейчас упала». Он даже посмотрел в окно, с некоторой надеждой. А тесть, выполнив миссию, похоже, не знал, что делать дальше. Он сопел, кряхтел, покашливал, почесывался, игрался с пустой чашкой, но не двигался с места. «Наверно, мы так можем просидеть хоть всю неделю, пока не умрем от обезвоживания», — подумал Бобровский.

— Какой сегодня день? — спросил он.

— Тридцать первое июля, вторник, — ответил тесть. — Фильм такой был.

— Какой? «Тридцать первое июля, вторник»? — спросил Бобровский.

— Нет. Просто «Тридцать первое июля», — ответил тесть.

— Про что?

— Фильм-то? Ой, я не помню. Что-то революционное. А почему ты спрашиваешь?

содержание

Пёс. <i>Повесть</i>	5
Безумный, безумный, безумный день. <i>Рассказ</i>	161